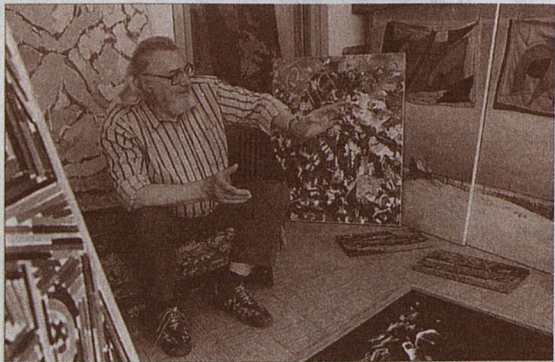

2006 г.
14 мая

29

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Богатая по содержанию коллекция русского искусства Евгения Нutowича помогает осмыслить до сих пор не исследованную историю русского независимого искусства за сорок лет его развития. В этом, по своей сути, музейном собрании — со вкусом отобранные произведения ведущих мастеров-шестидесятников, среди которых немало подлинных шедевров.

В Музее личных коллекций в 1997 году прошла выставка работ из собрания Евгения Михайловича Нutowича

Стихи — Евгения Нutowича.

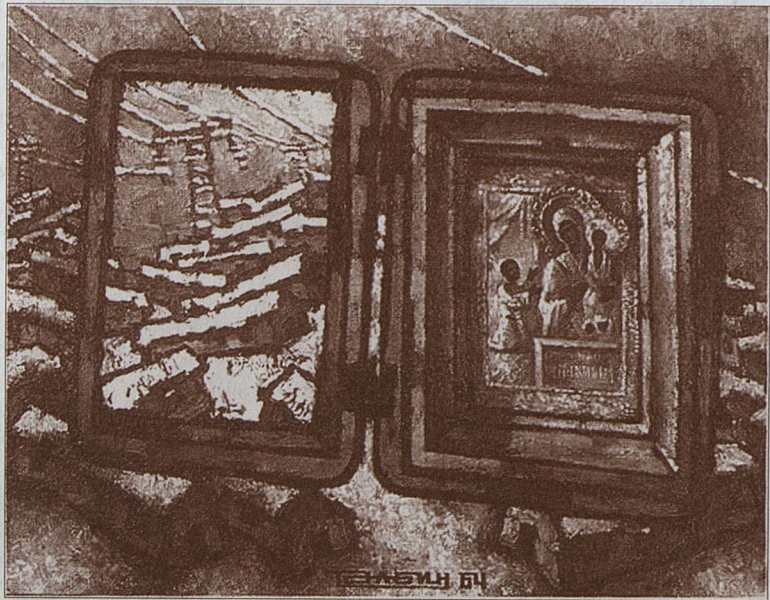
— Евгений Михайлович, как Вы стали коллекционером? Была какая-то предрасположенность?

любил сидеть в утренней тишине залов и подолгу рассматривать картины и иконы. Чуть позже, в запаснике Третьяков-

В мае 60-го года я познакомился с художниками Лианозовской группы. По просьбе Оскара Рабина сделал ряд фоторабот, и получил в подарок картину, которая стала одной из первых в моей коллекции. Дарение сопровождалось занятным предложением: если картина надоест — то он обменяет ее на другую. И мне хорошо — я получаю новую работу, и ему — вернется старая работа.

Я дружил с художниками, и они дарили мне работы. Дима Краснопевцев за работу подарил два небольших натюрморта. Что-то дарили, что-то зарабатывал.

Были такие случаи: работая в фотолаборатории Третьяковской галереи, я имел возможность подобрать в фототеке наиболее значимые вещи в русском искусстве: древние иконы XV—XVI веков, Рублева; картины художников авангарда: Малевича, Кандинского. Однажды я принес Плавинскому подборку таких

О.Рабин. «Нечаянная радость».

Закваска собирательства была. Коллекционеры, как правило, еще в детстве что-то собирают. Исключение составляют только врачи. Их собрания чаще всего складываются из подарков. Я вот увлекался марками, известный коллекционер Юрий Сергеевич Торсуев собирал рождественские открытки. Я всю жизнь покупал книги, но не просто книги, я люблю само издание. Это — искусство.

— Как случилось, что стали собирать живопись?

— Работая в Третьяковской галерее, я очень

своей галереи увидел работы русских художников начала века — авангард: Кандинский, Шагал, Малевич, Ларионов... Творчество этих художников произвело на меня неизгладимое впечатление. В какой-то степени я был подготовлен к такому восприятию. Писал стихи, увлекался поэзией Серебряного века, ходил на литературные семинары, вечера поэзии в музее Маяковского, рассматривая сборники футуристов с рисунками Крученых и Малевича. В то время вообще был ренессансный подъем, ожидание перемен.

иллюстраций. Он был очень доволен, стал сразу прищипливать фото к стене, а я получил в дар картину — она сейчас одна из лучших в моей коллекции. Фоторепродукции, фотопортреты художников: Малевича, за несколько месяцев до смерти, Кандинский, Репин на охоте... У Плавинского целая стенка была в этих фотографиях. Я их находил в фототеке и делал с них иллюстрации. Были снимки с наших общих поездок и застолий.

Соостер подарил мне одну работу на свадьбу, а вторая была подарена за фотоработы. Я приходил к нему домой — в мастерскую со своим фотоаппаратом, таким старинным, деревянным, с дореволюционной оптикой, устанавливал его на пол, делал большие выдержки по полчаса и больше, а мы в это время сидели, беседовали. Это был творческий процесс. Шла съемка. Между прочим, хорошо получалось.

С Вейсбергом мы также работали. Я ему делал фотографии с работ, написанных в течение года. Обычно год он работал, а летом куда-ни-

будь уезжал. Я приходил к нему где-нибудь в июле с аппаратурой и фотографировал, а он в это время сидел рядом, и шли разговоры, беседы. Он рассказывал мне о проблемах, о переживаниях, о творчестве. Непосредственное общение с художниками, искусствоведом обогатило больше, чем любая книга. Я много читаю, но самое интересное — это общение с художниками-современниками. Вот Зверев — за ним надо было записывать. Он однажды пришел в запасник Третьяковской галереи и увидел русский авангард, открыл широко глаза и так интересно стал говорить о композиции, о свете, о цветовой палитре, что я совсем по-другому увидел эти картины. Через общение с художниками я и древнее искусство стал лучше понимать.

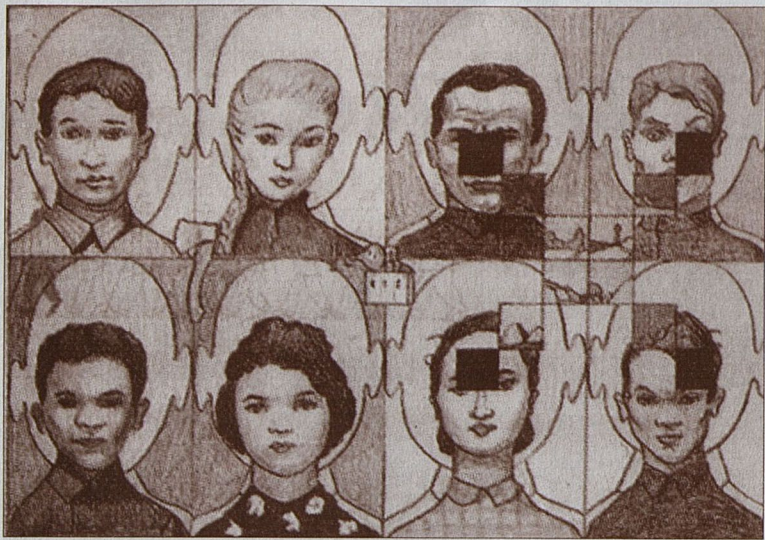
Приходилось и покупать, но цены для меня были небольшие. А потом часто продавали в рассрочку, причем длительную, до года.

С Олегом Целковым был такой случай. Одна его работа была продана человеку, который соби-

Ю.Соостер. «Холодный пейзаж. (Можжевельники)».

Нutowич Евгений

И.Кабаков. Из серии «Лица».

рался уезжать, но работу вывезти не мог, и он вернул ее художнику. Стоила она по тем деньгам дорого. Олег отдал картину мне, чтобы я расплатился с бывшим покупателем. Деньги нужно было отдать срочно, и художник помог рассчитаться, занял для меня деньги у

— Как Вы определяли, что нужно брать, а что нет? Целков, Немухин и другие — почему Вы решили, что именно их работы надо собирать?

— Есть плюсы и минусы в собирании современников. С одной стороны, невозможны подделки, я

Пусть будет так, а не иначе.
Все в нашей жизни до поры.
Ведь сколько правды в детском плаче
И в детских шалостях — игры.

Исповедально наше небо
И лоно грешное земли.
И вкус вина, и запах хлеба,
И свет, и таинство любви.

своих друзей. Эта картина заняла достойное место в моей коллекции.

Потом, в начале 60-х годов, я уже начал зарабатывать деньги. Помимо штатной работы, подрабатывал в «Советском художнике», были заказы на съемку картин. Эти гонорарные деньги тратил на покупку работ. По тем временам это было относительно недорого.

брал работы прямо из рук художников, из мастерской, с мольберта. С другой стороны — надо почувствовать: вот это — надо, это — можно подождать, а это вообще не стоит собирать. Почувствовать не тогда, когда всем уже ясно, что это гений.

Вот, например, Костяки собирал малых голландцев, а потом как-то купил маленькую работу

авангарда, и он сам рассказывает: «Повесил работу — и как-будто бы форточку открыли и подул свежий ветерок». И он стал собирать русский авангард начала XX века: Малевич, Кандинский, Шагал... Тогда еще никто не собирал авангард. Костяки дружил и с современниками: Краснопевцевым, Вейсбергом.

Но, знаете, вопрос «фальшаков» может быть и с современными художниками. У меня был такой случай: принесли мне картину Краснопевцева. Чтобы убедиться в подлинности картины, мы поехали к художнику. Он посмотрел и говорит: «Моя». Но его супруга засомневалась, принесла работы и говорит: «Смотри, вот веточка из этой работы, а кувшинчик — из другой. И свет по-другому сделан». Так и доказала, что эта работа — не его.

А с картиной Вейсберга было так: его уже не было, и чтобы проверить работу на подлинность принесли к его вдове. Картину еще только развернули, она даже не видела, что нарисовано, сразу сказала: «Это не наше. У нас не было таких подрамников и холстов».

Так что у современников тоже бывают подделки.

— Евгений Михайлович, а сейчас Вы коллекцию пополняете?

— А как же, она все время растет. Она «живая» и востребованная. Сейчас уже собирать легче. Коллекция работает на себя. Многие дарят свои работы, чтобы быть в этом собрании.

— Бывают ли обмены между коллекционерами?

— Естественно, бывают, даже «стенку на стенку» меняем.

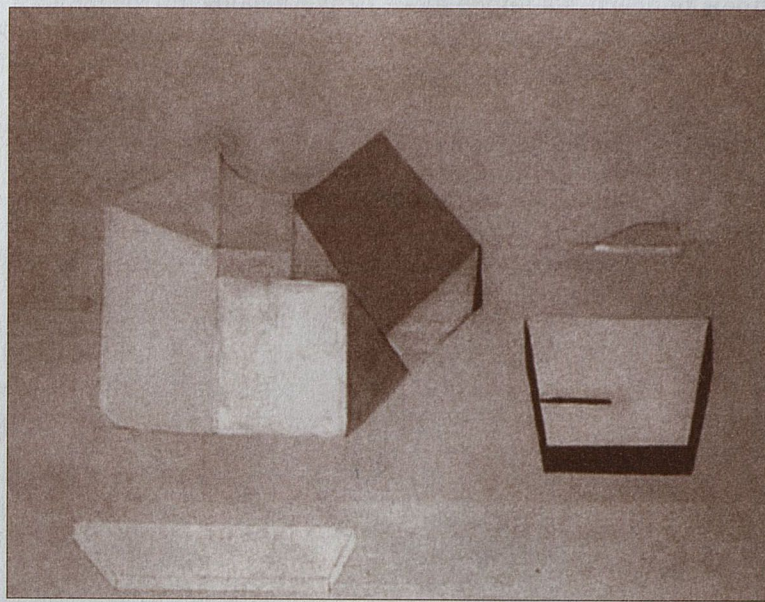
— Сами художники знали, что они великие?

— Нет, не все были уверены относительно своего будущего. Вот, допустим, тот же Вейсберг считал, что он останется, и то, что он делает, заслуживает внимания и сейчас, и через много лет. Он сказал мне удивительную фразу, что, когда бы он не

Очень приятный человек, репрессированный, его взяли, по-моему, в 1949 году. Отсидел свои семь лет, потом приехал в Москву, мастерская была у него совместно с Кабаковым. Работал, дружил с Соболевым, Янкилевским, Булатовым, Васильевым.

Леша Тяпушкин очень близкий мне человек. Каждый из них дорог мне какой-то гранью, один другого дополняет. Если пожар — не знаю, какую картину хватать.

Когда я делаю у себя развеску, я стараюсь, чтобы картины были между

А.Штейнберг. «Композиция».

умер, последняя работа будет лучшей из того, что он сделал. Для меня это означало, что каждая следующая работа будет лучше и совершеннее предыдущей. Не у всех идет по восходящей. Он знал, что останется. Не говорил, что «я великий», но знал себе цену.

Целков, пожалуй, догадывался или уже знал. Зверев знал больше всех. Недаром его знаменитая фраза, когда он делал портрет: «Я тебя увековечу».

У художников разное отношение к своим работам. Есть такие, кто любит свои работы, а есть — сделал, и ладно, лишь бы покупатель нашелся. К кому она пошла, наплевать. Целкову было важно, к кому работа ушла. Был такой Алексей Козлов — очень любил свои работы, он мог на коленях перед ними стоять: «Неужели это я сделал?» Такие художники с трудом расстаются со своими работами.

— Какие работы в Вашей коллекции Вам особенно дороги?

— Они все мне дороги. У каждого свой неповторимый почерк. Потеря кого-то может быть невозможна. Например, Соостер рано ушел из жизни.

собой совместимы. Иначе один другого будет «убивать» Моя задача — стенку сделать как единое целое. Я делаю свою картину. И в то же время, чтобы каждый отдельно смотрелся. Сейчас коллекция стала очень большой, много работ большого формата, и я не могу развесить всю коллекцию, даже показывать, и то сложно.

— Каких размеров Ваша коллекция? Не в штуках, а по масштабам. Вы возвращаетесь среди коллекционеров — большая, средняя, очень большая?

— По штукам пока я не считал, хотя пора это действительно сделать, я скоро буду проводить общую каталогизацию. Но это не главное. Главное — не количество, а качество. А если брать качество, так можно сказать, что есть вещи очень стоящие, очень серьезные, очень интересные, приличного мирового уровня. В то время никто не собирал. Начало 60-х годов собралось у меня. Если иметь ввиду эту часть коллекции, начало 60-х годов, то тогда, наверное, это одно из лучших в качественном отношении собраний, потому что других таких просто нет.

Беседовала
Л.ОСТАПИШИНА.

Д.Плавинский. «Рыба».